Анджей Сапковский

Случай в Мисчиф-Крик

Анджей Сапковский

Случай в Мисчиф-Крик

OCR Алексей Владимиров avld@mailru.com
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124036

Анджей Сапковский
Случай в Мисчиф-Крик

Zdarzenie w Mischief Creek © Andrzej Sapkowski, 2000. ©
Перевод. Вайсброт Е.П., 2002.
OCR Алексей Владимиров *avld@mailru*.com

На труп они наткнулись случайно. Он неожиданно глянул на них черными провалами глазниц из-под веток усохшего можжевельника, с которым, казалось, составлял единое целое. На первый взгляд именно так оно и было – словно человек и дерево умерли вместе. Одновременно. Будто срослись в момент смерти.

Джесон Ривет вздрогнул.

«Конечно, – мысленно поправился он, – вместе умереть они никак не могли. Дерево почти совсем без веток, белое, уродливое, полуистлевшее, искореженное, расщепленное чуть ли не пополам. Ясно – оно умерло давно, очень давно. Человек, останки которого прибиты к нему, наверняка умер позже. Тоже давно, но позже дерева».

– А чтоб тебя… – начал было Адам Стаутон, но тут же умолк.

Дядюшка Уильям сплюнул, наклонившись с седла. Преподобный Мэддокс не пошевелился и не произнес ни слова.

Абирам Торп слез с седла, осторожно подошел, раздвинул можжевельники стволом мушкета. Остановился рядом с Измаилом Сассамоном. Спросил что-то. Индеец ответил. Коротко и гортанно.

Череп, отделенный от скелета, был насажен на сук в добрых шести футах от земли. Под черепом, примерно футом ниже, была прибита грудная клетка; между обросшими мхом ребрами торчали трухлявые деревянные клинья. Одна рука, кошмарно растопырившая пальцы, висела около ключицы. Вторая вместе с тазовыми и берцовыми костями, голенями и массой мелких косточек валялась у корня высохшего дерева.

– Краснокожие, – убежденно сказал констебль Генри Корвин.

– Работа дикарей.

– Измаил говорит, что нет, – возразил Абирам Торп.

– Верно, Измаил?

– Не могавки, – гортанно проговорил индеец. – Не сенеки. Не могикане. Не ленниленапы.

– Он сам-то краснокожий, – фыркнул констебль, – вот и болтает. Ни один христианин так с покойником не обойдется. Я не удивлюсь, если окажется, что несчастного прибили к стволу живьем. Как думаете, мистер Торп? Ведь вы читаете следы не хуже дикаря, извините за сравнение…

– Какие там следы, – буркнул охотник. – Это ж древность. Он тут уже не один год висит…

– Во времена войны «Короля Филиппа», – заметил Адам Стаутон, – в лесах хватало трупов, не диво набрести в кустах на скелет. Как по-твоему, Абирам, этот тоже висит где-нибудь с семьдесят пятого?

– Возможно. Мне сдается…

– Надо похоронить останки, – перебил преподобный Мэддокс, явно не интересуясь тем, что сдается трапперу. – Ну, господа, с коней.

– А времени не жаль? – поморщился дядюшка Уильям. – Это ж всего несколько мослов какого-то дикаря, убитого другими дикарями. Пусть…

– Мы – христиане, – хрипло оборвал Джон Мэддокс свойственным ему неприятным и не терпящим возражений тоном. Худой, в высокой шляпе, завернувшийся в епанчу пастор напоминал большую черную птицу. «Большую черную ворону, – в которой уже раз подумал Джесон Ривет, – тощую черную ворону на сивом мерине».

Преподобный повернулся в седле и просверлил юношу взглядом, словно исхитрился прочитать его мысли.

– Возьми лошадей, парень. Отведи к ручью и напои. Побыстрее! Ну, шевелись же! Слезайте, господа. Предадим останки земле.

– Не взопреем, – фыркнул плотник Стаутон. – Делов-то всего ничего. Каблуком землю разгрести…

Генри Корвин что-то недовольно пробурчал, Джесон Ривет не расслышал. Он вел коней в котловинку.

От ручья веяло прохладой, пахло шалфеем и прелой корой. Вода была коричневой от торфа, а в местах поглубже, где течение вымыло ямы, казалась черной в тени склонившихся над котловинкой деревьев. У самого берега росли буки, их ветви наверху сплетались, образуя навес. Под буками, за спутавшимся покрывалом терна, расположились сассафрасы, лиственницы и сосны.

На излучине, на глубине под подмытым берегом, выскочила форель, плеснув не хуже бобра. Джесон Ривет вздрогнул, лошади подняли морды.

– Если кони напились, – долетел сверху голос преподобного Мэддокса, – то веди их сюда, парень. И побыстрее! Двигайся!

«Да перестань ты мною командовать! – подумал Джесон. – Перестань смотреть на меня как на слугу, как на негра, перестань мной распоряжаться, да еще таким тоном, словно ругаешь за лень и неверное выполнение приказов. С меня хватит. И хватит с меня, что дядюшка Уильям допускает это, смотрит равнодушно, а то и вовсе прикидывается, будто не видит и не слышит. Эх, был бы жив отец, уж он бы не позволил, никому б не позволил ничего такого. Даже самому преподобному Джону Мэддоксу».

«Хватит с меня», – мысленно повторял Джесон Ривет, захватывая в кулак вожжи всех шести лошадей сразу. Они послушно пошли, скользя, топая и звеня подковами по камням, – сивый мерин преподобного, гнедая плотника Стаутона, гнедая кобыла Абирама Торпа, серая в яблоках кобылка констебля Корвина, буланый жеребец дядюшки Уильяма и его собственный буланый.

– Ну, парень, – поторопил пастор. – Не тяни! «Ну, я сыт по горлышко, – подумал Джесон, – сыт и им, и всей этой погоней. Похоже, осточертело не только мне».

– Надо взглянуть правде в глаза, – угрюмо проговорил Адам Стаутон. – Мы больше чем в шестидесяти милях от дома. Корм для лошадей кончается, а достать его будет негде, потому что если здесь в лесах и есть какое-то жилье или ферма, то наверняка нищенские, и ничего мы там не получим. К черту, господа, и долго вы еще собираетесь тянуть? До зимы? Докуда собираетесь дойти, до реки Коннектикут? До Аппалачей? Абирам Торп, черт побери, раскрой рот, повтори, что недавно мне сказал. Кто-нибудь, дьявольщина, должен же наконец сказать!

Опиравшийся на мушкет Абирам Торп переступил с ноги на ногу, помял в руках украшенную енотовым хвостом шапку. Все знали, что он не любитель трепать языком. Если спрашивали – отвечал кратко, ворчливо, и то не всегда. А если не спрашивали, подавал голос очень редко.

– Мне думается, – пробурчал наконец охотник, кашлянув в кулак, – надо возвращаться. Мы отошли, пожалуй, далековато.

– Далековато! – фыркнул Адам Стаутон. – Ничего себе далековато. Да мы больше чем в шестидесяти милях западнее Уотертауна. Ушли даже дальше, чем капитан Зли-зар Холиок в тысяча шестьсот тридцать третьем.

– Вы, господа, оба, – преподобный Мэддок вперился в плотника и траппера пронизывающим взглядом, глаза сверкали, словно черные озера, между полями шляпы и немного подпорченной белизной отложного воротничка, – оба вы добровольно взялись участвовать в погоне, никто вас не принуждал. Поэтому меня удивляют ваши слова и ваше неожиданное уныние, мистер Стаутон. Похоже, вы забыли о стоящей перед нами задаче. Закон и правосудие…

– Закон! – снова фыркнул плотник Стаутон. Во всей группе – Джесон Ривет заметил это уже давно – плотник был единственным человеком, которому хватало смелости запросто прерывать преподобного.

– Законом лошадей не накормишь, черт побери!

– Берегись! – сказал Генри Корвин. – Поостерегись призывать черта, Адам Стаутон. Он готов явиться в любую минуту.

Плотник опасливо оглянулся, покосился на холмик свежей земли, укрывающей снятый с дерева скелет. Но тут же гордо поднял голову.

– Что до вашей справедливости, – проговорил он, глядя на пастора, – так я и сам уверен, и вас уверяю, что с ней управятся и без нас. Ее лошадь пала тут же за Пенакуком, не иначе – загнала, вы же видели труп. А продираться пехом по безлюдью она долго не сможет, потому как хромая она. Так что правосудие ей свершат холод и голод, и за палача будут медведь, волк иль краснокожие. Останется от нее не более чем вон от этого… Белые косточки, догола обглоданные. Так что можно возворачиваться домой и с чистой совестью сообщить всему графству…

– Нет! – оборвал его констебль Корвин резко и убедительно. – Я не поверну, пока не схвачу ее. Или не увижу труп. Впрочем, касательно трупа – сомневаюсь. Не забывайте, с кем мы имеем дело. Будь это обыкновенная девка, мы бы ее уже давно поймали. Но она не обыкновенная. Таким, как она, ни голод, ни зверь дикий нипочем. Нипочем, потому как сила в ней бесовская! Забыли, на что был способен Джордж Берроуз из Салема? Хоть внешность у него была никудышная, однако ж в раскинутых руках он мог держать тяжелый мушкет и бочонок патоки неведомо сколько, потому что…

– Какое это имеет отношение к делу? – резко перебил плотник.

– А?

– А такое, – фыркнул Генри Корвин, – что не в пример некоторым слабакам я не трус какой-нито. Я при виде всякого мертвяка в штаны не напускаю и не пою, мол, домой хочу.

– Ты ж сам только что чертом пугал, Корвин.

– Я ничего не боюсь!

– И я!

– Успокойтесь, господа, – остановил пререкания хриплый голос Джона Мэддокса. – Примиритесь. А бояться Бога одного следует. Я так понимаю, констебль Корвин, что вы за продолжение погони?

– Да и впрямь. Хочу видеть девку на виселице, и не намерен передоверять казнь ни волкам, ни краснокожим. И я не плотник, скелетов не пугаюсь.

– Мистер Гопвуд?

Дядюшка Уильям передвинул языком жвачку табака за другую щеку, сплюнул на папоротники. Несколько секунд помолчал. Но Джесон Ривет не сомневался в его ответе. И не ошибся.

– А мне – все едино. Как скажете, преподобный. Велите идти – пойду. Велите возвращаться – тоже хорошо. Я – как вы.

– А я, – пастор пронзил плотника взглядом, – я за то, чтобы погоню продолжать. Ибо так велит закон и так велит Писание. И этого было бы довольно даже в том случае, если б я оказался в меньшинстве. Но в меньшинстве-то вы, мистер Стаутон.

– Интересная у вас арифметика, преподобный. И похоже, маленько рановато вы подсчитывать начали.

– Арифметика у меня верная, – холодно ответил пастор. – Господа Корвин и Гопвуд согласны со мной. Стало быть, у нас три голоса против двух. И на том конец голосованию. Не спрашивать же мнение мальчишки. И уж тем более – индейца. Стало быть, идем дальше по следу.

– Нету следов, – проговорил гортанным голосом Измаил Сассамон, словно дух появляясь из чащи.

– Что значит нету? – поморщился Абирам Торп. – И куда же они подевались? Ты как следует смотрел, Измаил?

– Нету следов.

– Следов нету, – после долгого молчания повторил Адам Стаутон. – Так куда же идти? Куда прикажете, преподобный? Куда, констебль? И ты, Измаил? Твоего индейского мнения тут не спрашивают и с ним не считаются. Но я, черт побери, как раз охотно б его узнал.

Индеец смотрел на него, и лицо у него было словно у вырезанной из дерева куклы.

– Куда, – повторил плотник, даже не пытаясь скрывать насмешки, – прикажешь идти?

– Туда, где тропы. – Лицо Измаила Сассамона по-прежнему ничего не выражало. – Топоры слышно. Тут недалеко лесосека.

Отряд молча, даже не дожидаясь команды, оказался в седлах. Измаил мчался первым, остальные – за ним с такой скоростью, с какой только можно было ехать в лесу. Вели Абирам Торп, уже готовящий мушкет, и констебль Корвин. Джесон Ривет замыкал группу. Его уже приучили знать свое место.

– Интересно, – ворчал ехавший перед ним Адам Стаутон, – кто тут шурует посередь пущи? Чтой-то не слыхал я о поселениях к западу от Уорчестера и плантаций Пенакук.

Уильям Гопвуд не ответил, занятый рассматриванием полок пистолета и аркебузы. Джесон Ривет знал, что дядюшка умеет обращаться с оружием. Впрочем, это знали все. Кстати, только из-за этого дядюшку взяли в отряд. Уильям Гопвуд пользовался, если так можно выразиться, славой убийцы. Все знали, что он смолоду охотился в лесах на пенобскотов, пекуотов и нашуев, ходил на сенеков и могавков, что у него хранится коллекция скальпов. В основном, как утверждали злословы, женских.

Преподобный Мэддокс, встревоженный скрежетом колесцового замка, обернулся в седле. Он тоже знал расхожее мнение о дядюшке. И тоже заметил, как из сонного и безразличного ко всему ленивца Уильям Гопвуд неожиданно превратился в огненноглазого хищника.

– Стрелять, – прошипел он, – только по команде, мистер Гопвуд. По команде, не раньше. Вы поняли?

Они ехали вверх по течению, лавируя меж зарослей сассафрасов и сумахов. Вскоре и нетренированный слух Джесона уловил сопровождаемый эхом стук нескольких топоров. А немного погодя резкий треск и совсем близкий шум, и хруст ломающихся веток известили о результатах усилий лесорубов. Через минуту уотертаунский отряд выехал на лесосеку. Заблестели срубленные деревья и щепки. Пахнуло смолой.

Лесорубов было шестеро. Трое обрубали ветви с поваленной сосны. Двое оттаскивали к краю поляны большие пни, ловко управляя двуконной упряжкой низкорослых лохматых лошадок. Третий, тот, что был ближе всех, собирал и складывал ветви в кучи.

Увидев отряд, лесорубы замерли. Джесон заметил, что у них у всех одинаковые светлые волосы и какие-то странные лица.

– Не бойтесь, люди! – возгласил Мэддокс, немного распахнув епанчу, чтобы стала видна серебряная бахрома, оторачивающая отложной воротник. – Мы добрые христиане, сторонники короля, порядка и закона.

Не походило на то, чтобы лесорубы испугались. Их застали врасплох, это верно, но не испугали. Они, несомненно, видели и мушкет, и аркебузу, и пистолеты, однако на их широких – прямо-таки полная луна – лицах не появилось и тени страха. Эти широкие лица – Джесон Ривет уже понял, что странными они казались из-за отсутствия бород и неестественно светлых бровей и ресниц, – не выражали ничего, кроме полного и тупого безразличия.

– Мы христиане и стражи закона, – повторил преподобный, выпрямляясь в седле и осматривая лесосеку.

– Мы прибыли из Уотертауна, что в графстве Миддлсекс. Мы преследуем сбежавшего из тюрьмы преступника, осужденного судом Массачусетской Колонии на Заливе.

– Этот преступник, – добавил констебль Корвин, – женщина. Молодая светловолосая женщина. Вы видели такую?

Лесорубы глядели на него так, словно он был прозрачным.

Словно вообще не понимали слов. Словно вообще их не слышали. Тот, что стоял ближе, отвернулся и спокойно, как ни в чем не бывало стал подбирать ветки.

– Вы что, не понимаете? – заорал Корвин. – Или прикидываетесь ?

Один из лесорубов, самый высокий, переложил топор из руки в руку, раскрыл рот, несколько раз пошевелил губами, ну совсем как рыба. Потом выдал что-то невнятное. И совершенно невразумительное.

– Голландцы, – убежденно отметил дядюшка Уильям. – Это голландцы. Или немцы.

– Голландцы, – заметил Мэддокс, – обычно говорят по-французски. Вы же знаете французский, мистер Стаутон.

– Какое там знаю, – буркнул плотник. – Едва-едва. Да и сдается, вы голландцев с бельгийцами путаете, преподобный. Однако чего уж там, спробую… Мусье! Бонжур. Ну сом… Ну шерше юн… Девку одну… Фам, значицца. Юн фам, которая из призьон сбегла. (Господин! Здравствуйте. Мы есть… Мы ищем… Девку одну… Бабу, значицца. Бабу, которая из тюрьмы сбежала (искаж. фр.). – Здесь и далее примеч. пер.)

– Спросите, – вставил пастор, – из какого они поселка?

– Вуле ву? Компри? Парле, кель поселок? Кель…**

(** Хотите? Понимаете? Говорите, какой поселок? Какой…)

А, к черту!

Не знаю, как сказать…

– Да и не помогло бы, – прервал констебль Корвин, – если б даже знал, Стаутон. Они в этом ни в зуб ногой. И дело не во французском. Они просто кретины. Кретины, и все тут!

Светлые лица лесорубов – Джесон мог бы поклясться – посветлели еще больше, водянисто-голубые глаза на мгновение ожили. Тот, что выше других, снова пошевелил губами, как будто повторял за констеблем знакомое слово. Потом расплылся в улыбке, показав прекрасные белые зубы. Снова издал несколько невнятных и непонятных звуков. А потом отвернулся, взмахнул топором и отрубил от поваленного ствола очередную ветку. Остальные тоже вернулись к своим занятиям, полностью, казалось, забыв о прибывших из Уотертауна добрых христианах и стражах закона.

– Трудно не согласиться с вами, констебль, – кисло проговорил Мэддокс. – Эти люди, несомненно, слабы умом. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное"***.

(*** Евангелие от Матфея 5,3.)

– Первые, кого мы встретили за два дня, – покачал головой Стаутон. – И надо же – тупицы. Им, стало быть, царствие небесное. Им, значицца, счастье, а нам неудача. И что теперь делать? Кого расспрашивать?

Плотник смотрел на Измаила. Индеец молча, с лицом почти таким же безразличным, как у лесорубов, указал на уходящую с лесосеки дорогу, проторенную телегами и копытами. Абирам Торп чмокнул мышино-серому мерину. Констебль и Мэддокс двинулись следом. Дядюшка освободил замок аркебузы, чтобы не расслаблять пружину.

– Поселок, верно, где-то поблизости, – догадался Джесон, подъезжая ближе к лошади плотника. – Как вы думаете, мистер Стаутон?

– А ты что думаешь, парень? Из Бостона они пришли, что ли?

– Не смейтесь. Я просто спросил. Ведь говорили, что к западу от плантаций Пенакук поселений нету.

– Говорили.

– Ну и как?

– Ошибались.

Джесон Ривет наклонился к самой шее лошади, чтобы проехать под низкой веткой сосны.

– Мистер Стаутон?

– Ну, что еще?

– Я о том скелете, что к дереву прибит… А теперь вот эти странные лесорубы… Вы не боитесь, что…

– Ну?

– Что это волшебство? Нечистая сила?

– Не пори ерунды, парень.

Речка преградила им путь, но дорога вела прямо к броду, так что они без труда, даже не замочив стремян, перешли речку по песчаному дну. Сразу за бродом лес редел, наезженная дорога сворачивала вдоль опушки. Они выехали на луг, зеленый, залитый солнцем, пахнущий собранным в несколько стогов сеном. Измаил Сассамон остановился, кашлянул, указал рукой. Можно было и не показывать, все уже и без того видели.

Рядом с полуразвалившимся стогом стоял пегий жеребец, запряженный в покрашенную сильно облупившейся зеленью двуколку. Не, успел кто-либо из отряда словом, жестом или хотя бы даже миной проявить удивление, как из стога выскочил, словно напуганный олень, светловолосый, по пояс голый мужчина. Не теряя ни минуты, он, не оглядываясь, кинулся бежать, ловко перепрыгивая через стернь и кучки соломы; при этом ему вовсе не мешали поддерживаемые обеими руками широкие штаны. И все же штаны то и дело сваливались, и прежде чем беглец достиг темной стены леса, он несколько раз сверкнул белыми ягодицами, резко контрастирующими с загорелой спиной.

– Чтоб меня черти… – завел Адам Стаутон и осекся, видя, как со стога поднимается новая фигура. На сей раз – женщина.

Джесон Ривет сглотнул и раскрыл рот.

Абирам Торп фыркнул, плотник поддержал его, дядюшка захохотал. Преподобный Мэддокс повернулся в седле и обвел их яростным взглядом.

– Будто животные, – процедил он. – Погрязли в похоти и пребывают во грехе, аки скоты. И ничего смешного, мистер Гопвуд. И нечего хохотать, мистер Стаутон. Сие есть не только наглость и распутство, но и нарушение закона. Господин констебль Корвин…

– Лучше, – с нажимом сказал Абирам Торп, становясь серьезным, – сначала выведать. Про дорогу у этой бабы спросить.

– Святые слова, – добавил плотник. – Для начала надо взять языка. Так что не пугайте девку законом и карой, не то и она сбежит.

Однако не походило на то, чтобы женщина намеревалась бежать. Она поднялась с сена, подтянула чулки, надела башмаки. Застегнула платье, прикрыла различные округлости, до последнего момента совершенно отчетливо различимые, от лицезрения которых у Джесона

Ривета участилось дыхание. Пареньку показалось, что почаще вроде бы дышат и дядюшка, и плотник Стаутон, и констебль. Учащеннее. И тем учащеннее, чем ближе подходила женщина. А она подходила, выбирая пальцами травинки из роскошных каштановых волос, доходящих до середины спины.

– Не бойся. – Адам Стаутон облизнулся. – Мы христиане, мы служим королю и закону.

– А я и не боюсь, – улыбнулась женщина, действительно смело поднимая на наездников зеленые глаза. Тонкое льняное платье плотно облегало ее груди.

Джесон Ривет снова сглотнул и почувствовал, что седло вдруг сделалось неудобным, а штаны тесными.

– Я не боюсь вас, христиане, слуги короля и закона. Если вы и вправду те, за кого себя выдаете.

– Воистину те, – подтвердил Генри Корвин, гордо выпрямляя костлявую фигуру. – А в здешние края привело нас…

– То, что привело нас сюда, – хрипло перебил преподобный Мэддокс, – предназначено для более достойных ушей. И разума, способного сие понять. Прикрой бесстыдную наготу, женщина.

Понадобилось какое-то время, прежде чем темноволосая поняла, что преподобный имеет в виду предплечья, оголенные подвернутыми выше локтей рукавами платья. Она прикрыла их очищенным от сена платком, не спуская с пастора глаз, что, следовало думать, очень злило Мэддокса.

– В Массачусетской Колонии на Заливе, – загремел пастор, поглядывая на женщину как бы не с седла сивого мерина, а с вершины горы Синай, – бесстыдное обнажение преследуется законом. Равно как и разврат. Это я говорю, дабы ты запомнила, чему я, кстати, постараюсь помочь хлыстом, как только побеседую с кем-либо из здешних властей. А теперь укажи нам путь в поселок, коей, полагаю, находится неподалеку. Укажи дорогу к кому-нибудь, с кем поговорить. С человеком соответствующего положения, должности и, разумеется, пола! Ты понимаешь мои слова, женщина?

– А кто таков, – быстро спросил констебль Корвин, – тот мужчина, который сбежал?

– Мой муж, – спокойно пояснила темноволосая. – Работает на лесосеке. А сбежал потому, что боится посторонних. Он – чужеземец. Швед.

– Как и те, что на поляне, да? Тоже шведы?

– Некоторые. – Женщина мило улыбнулась. – Есть еще голландцы и один норвежец. Вы, как я понимаю, их встретили. И конечно, ничего не узнали. Ну что ж, надо признаться, они слабо владеют нашим языком. К тому же, что скрывать – они люди необразованные…

– Это мы заметили. А поселок тут где?

– Неподалеку, на берегу речки Мисчиф-Крик. Мы и поселок тоже зовем Мисчиф-Крик. А я – Франсез Флауэрс.

– Твое имя нас не интересует, – обрезал Мэддокс. – Веди в поселок, женщина. Я сказал, нам срочно нужен человек серьезный, обладающий разумом.

– Конечно, конечно. – Женщина не улыбнулась, но в ее зеленых глазах, Джесон Ривет дал бы голову на отсечение, заплясали веселые искорки. – Как прикажете, слуги короля и закона. Я, с вашего позволения, поеду впереди, чтобы предупредить о визите соответствующих компетентных особ.

Мэддокс не соблаговолил ответить. Он тронул коня пяткой и направил на хорошо видную, сворачивающую за лес дорогу. Индеец шел рядом. Женщина – Франсез Флауэрс – запрыгнула в двуколку, пронзительно свистнула и щелкнула поводьями, пегий жеребец рванул дышло и с места пошел рысью, так, что обшарпанная двуколка поскакала за ним, словно пятнистая лягушка.

– Хлестко, – буркнул Абирам Торп, – девка ездит-то…

– В сене, – осклабился Адам Стоутон, – наверное, не слабже. Дядюшка Уильям хохотнул.

Они ехали вдоль речки, которая сразу за лесом разливалась вширь. Тут же за разливом, за полями кукурузы и хлеба, меж кленов, вязов и берез забелели черепицы. Домов, насколько можно судить, было около дюжины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.